

Введение в историю русской философской мысли. Часть первая

Тема моего выступления: «Русская философия. Основные моменты и направления темы проблемы». Сразу хотелось бы оговориться по поводу терминов. Некоторые отечественные исследователи предпочитают говорить «русская философия», другие настаивают на термине «философия в России», обосновывая это тем, что «русская философия» звучит националистически, принижая роль других этносов, что Россия – страна многонациональная, и не только русские занимаются в ней философствованием. Это различие мнений выражается сегодня даже в названиях кафедр, специализирующихся на изучении истории философской мысли в России, например, в одном известном московском университете кафедра называется «История русской философии», в другом она называется «История отечественной философии». В жизни эти профессионалы тесно общаются между собой, но вот такое у них методологическое расхождение относительно общего объекта изучения.

Обоснование для таких уточнений, конечно, имеется, поскольку в названии «русская философия» есть нечто противоречивое и даже провокативное. Возьмем, к примеру, «русского философа Владимира Сергеевича Соловьева», в жилах которого текла не только русская, но и польская кровь. Получается что он, при большом желании, может быть выдан за русско-польского философа. И у многих «русских философов» примеси иной крови – польской, татарской... Иван Киреевский, к примеру, известный славянофил, имеет татарские корни; Семен Франк – еврейские, что не помешало ему приобщиться к православию; Лев Шестов – иудей, много философов с долей немецкой, греческой, шведской крови, у некоторых можно найти и не два, а три и четыре этнических «компонентов» в смеси, по крови они не совсем русские. Поэтому некоторые исследователи философии в России предпочитают идентифицировать мыслителей не по крови, а по убеждению, по манере размышления, по мыслям, по потоку сознания, по умонастроению, на каком языке сны видят. Так что и мы будем держать в уме эту оговорку, так что, говоря «русская философия», имеем в виду, что вполне допустимо говорить о «философии в России». В контексте нашей беседы будем употреблять это как синонимы.

Следующая проблема, которой мы с неизбежностью касаемся всякий раз, обсуждая тему «русской философии» или «философии в России», это *место* возникновения философии в России. Переформулировав проблему, можно сказать так: *где и когда появилась русская философия?* Здесь, как это не удивительно, существует разброс мнений: одни начинают русскую философию с X века; другие настаивают на восемнадцатом; большая часть настаивает на XIX веке, начиная отсчет свой с 30-х–40-х годов. Есть небольшая группа, которая считает, что до сих пор философии у нас настоящей не было, нет и

вряд ли будет. Это такие маргиналы-оригиналы, и рассматривать их мы здесь не будем.

Я вижу долю здравого смысла и некоторой методологической убедительности в каждой позиции. Сейчас я попробую воспроизвести ту аргументацию, которую выдвигают историки русской философии, предлагающие свою точку отсчета, хронологию событий, периодизацию, этапы и типы философствования. Причем, все они люди достаточно квалифицированные, все, казалось бы, работают с одной эмпирической базой, обращаются к одним и тем же источникам, только вот одни до XIX века ничего «не видят», другие почти все находят уже в X веке.

Многое здесь зависит от определения. Определение – это установление каких-то пределов, границ, до которых эта вещь или явление существуют. Наука сильна определениями, установлением четких границ – где мысль, а где ее нет, где здравая мысль, а где безумная. Чтобы характеризовать какую-то мысль безумной, у вас должны быть четкие критерии, что считать безумием, что считать умом, что считать здравым смыслом и так далее. И чтобы дать определение, необходимо приложить интеллектуальные усилия. Порой даже выдающиеся умы попадали впросак, и я часто привожу студентам случай с Платоном. Когда его попросили дать определение человека, на вопрос «что такое человек», он ответил: «Это существо двуногое, без перьев». После чего его оппонент, один из киников... Кстати, главные оппоненты Платона были киники, считавшие, что философы занимаются болтовней, забалтывают все проблемы, а вот они действуют, согласно природе... Так вот, после такого определения человека киник Диоген поймал петуха, ощипал его и принес его, как наглядный контраргумент: «Это существо двуногое, без перьев. Вот, Платон, твой человек»... То есть очень мудрый человек, весьма изощренный в дискуссиях интеллектуалов своего времени Платон попал впросак, давая определение такому повседневному и знакомому явлению, как человек. После этого Платон должен был сделать некое ограничение, еще более тонкое, чтобы ощипанные петухи никогда не попадали под категорию людей, так что к своему определению он добавил: «С мягкой мочкой уха»... Это такой анекдотический пример, тем не менее, показывающий серьезность проблемы, важность определений и всех последствий на их основе. Ведь если вы даете не четкое определение, под ваше определение попадают многие вещи. В науке существует такое ограничение – нельзя давать слишком общие определения, потому что они не имеют ценности, ибо под них попадает все, что угодно. Нужны очень четкие ограничения, позволяющие структурировать процессы, выявлять более или менее приоритетные вещи, явления и так далее. Поэтому в зависимости от того, как мы определяем философию, такова и ее история. От нашего определения философии зависит и взгляд в прошлое, ретроспективный анализ.

В философии существует сотня определений того, что такое философия, и это говорит о том, что даже внутри философского сообщества нет единства мнений относительно сущности своей деятельности. Например, одно из определений философии, ведущее к платоновской философии, это искусство приготовления к смерти, обоснование этого мы можем найти, например, в апологии Сократа, учителя Платона. Есть понимание философии как учения о сущем, о первых вещах, учения о благе. В зависимости от того, какое определение вы выбираете, будет меняться и картина истории мысли, а также и то, кого считать философами, кого не считать таковыми, с какого момента она началась, и почему не с другого. Таким образом, этот разброс в датировке начала философии обусловлен тем, что есть несколько мнений в определениях самой философии.

Для начала попробуем реконструировать точку зрения тех, кто датировал русскую философию с X века. Аргументация их, примерно, следующая. X век – это время принятия христианства на Руси, и это означает привлечение огромного культурного пласта византийской культуры. Восприятие христианства это не только принятие в себя каких-то богословских идей, текстов, помогающих вести богослужение, но это и огромный пласт трактатов, содержащих философские идеи... Таким образом, приняв христианство, наши предки получили для чтения и часть философских работ. Ну а если бы даже они остановились на иудействе, то и через него они бы получили большой пласт работ, которые мы можем идентифицировать, как философские или околофилософские. И здесь есть работы с метафизической проблематикой: когда и из чего произошел мир; тварь и творец; стадии сотворения мира; смысл существования человечества; структура нашего существования; почему именно такова структура общества, и должна ли она таковой быть в будущем? Если бы наши предки выбрали ислам, то и там есть большой пласт работ сопричастных философским, поскольку исламская культура много заимствовала из античной культуры... Любая развитая форма религии побуждает мысль к философии... Тем не менее, фактом остается выбор именно православной религии, а с ней и преобладание христианской идеологии, где была развита и философская составляющая.

Сторонники той точки зрения, что философский процесс в России начинается с X или, как минимум, XI века, приводят в качестве примера источник, который называется «Изборник». К слову сказать «Изборник» это, по сути, сборник работ, нечто вроде антологий в современном понимании. Итак, в «Изборнике» 1073 года вы можете найти и отрывки богословского характера, и рассуждения о драгоценных камнях, как они влияют на нашу жизнь, и своего рода словарь, где определены два десятка терминов, относимых к философским. О чем это свидетельствует? О том, что если бы потенциальный читатель, кому адресован этот сборник, не интересовался бы философией, соответственно, этот словарь не попал бы в сборник... Эмпирическая база для

историка мысли Древней Руси не такая большая, как у позднейших эпох, так что здесь большую роль играют косвенные свидетельства и умозаключения, реконструирующие дух эпохи, ее ментальные потребности. Исходя из того, что рукописью могло владеть только просвещенное сословие и состоятельные люди, можно сделать вывод, что у элит того времени был спрос и на этот вид знания – философию. Рукопись в те времена – это не книга сегодня, это была очень дорогостоящая вещь. Для изготовления одной рукописи уходило не менее двух сотен ягнят, затем кожу тщательнейшим образом надо было обработать, приготовить краску, иметь под рукой грамотных писцов, в итоге, суммарно, приготовление рукописи было дорогостоящим процессом. Можно сказать, что обладать рукописью в то время – это все равно, что обладать сегодня машиной представительского класса. И очень высокая стоимость рукописи подразумевала то, что будет на ней записываться, что в нее попадет, тоже обладает высокой ценностью, особой значимостью для читателя. Просто какие-то заметки, не имеющие отношения к делу и жизни, не стали бы фиксировать. То есть это еще один косвенный признак того, что если в таком дорогостоящем произведении, как рукопись, появлялись какие-то философские материи, слова из метафизического лексикона, значит этому придавалось в то далекое время очень и очень высокое значение. То есть даже такие косвенные признаки, как чисто технологические моменты, свидетельствуют об определенном запросе на философию уже в X-XI веках. Конечно, основной массе народа это было не нужно, зато со стороны элит замечен интерес к философии.

Так же можно отметить еще одно своеобразное свидетельство того, что философская мысль в России проявилась уже в X-XI веках. Сторонники раннего появления философии в России апеллируют, например, к «Слову о Законе и Благодати» киевского митрополита Иллариона, родом из греков, а потому наследника византийской культуры. Что такое «Слово о Законе и Благодати»? С одной стороны, это рассуждение о Ветхом и Новом Заветах, с другой стороны – толкование о смысле исторического процесса, основанное на метафизических допущениях, высоком (для того времени) уровне отвлеченности, метафизических предпосылках. Таким образом, хотя «Слово» и было рассуждением богослова на определенные темы, но по своей сути, по поднимаемым проблемам его можно отнести и к философскому произведению, с учетом структуры знания того времени. Ведь здесь есть размышление о сущности исторического процесса, о смысле всемирной истории, о той роли, которую играет тот или иной народ, тот или иной человек. Митрополит Илларион пытается определить ту роль, которую будет играть в христианском мире и во всемирной истории российский народ с принятием христианства, что произойдет, когда на арене всемирной истории появляется новый игрок. Митрополит Илларион пытался показать, используя традиционный жанр богословского рассуждения, что великая миссия ведущего игрока на арене

мировой истории переходит к новому народу, а иудеи, которые прежде были избранным народом, отныне теряют свою функцию и роль богоизбранного народа переходит к нам. Эта мысль потом будет проявлять себя в XIX и XX веках.

Итак, есть определенная аргументация у тех, кто считает, что философия в России начинается в X-XI веках. Также существует точка зрения, что философия в России начинается только лишь в XVIII веке, а до этого была некая предфилософия, околофилософия, как бы философия, некое мудрствование, но не философия в строгом смысле слова. Представителем этой точки зрения, например, профессор Санкт-Петербургского университета Александр Иванович Введенский. Он исходил из того, что только в это время появляется в России первый университет, в составе которого три факультета, и наряду с медицинским и юридическим – философский. А до этого философии, строго говоря, не было, поскольку ее не было как особого вида профессиональной деятельности, где существуют каноны, требования, критерии, где есть некая технология, что считать философией и как этому научить, как участвовать в философских дискуссиях, как создавать тексты. Она появляется только с созданием философского факультета, формированием специализированной корпорации философов, отделенных от других видов деятельности, со своей методологией, методикой, техникой и так далее, причем в отдельности от религии. Многие в достоинство первому нашему университету ставят то, что в нем изначально не было богословского факультета, где философия воспринимается как «служанка». Сам Ломоносов настаивал на такой структуре, упирая на то, что у нас и так достаточно богословских школ, есть духовные семинарии, духовные академии, там пусть и занимаются богословием, а в университете должны заниматься философией – независимым исследованием истины. О взаимоотношениях философии и религии мы еще поговорим в другом месте.

Куда больше сторонников у той точки зрения, что философия в России начинается с XIX века, а до этого было лишь ученическое копирование философского процесса, заимствованного из Европы. Наши люди как бы занимались философией, а реально еще не было потребности в этой форме знания и виде деятельности. Да, был с 1755 года факультет, имелись студенты, читали лекции преподаватели, большей частью приглашенные из Германии, были тексты, учебники, привезенные из Европы. Россияне занимались философией, но это было «как бы»... Реальная же философия, как некая осознанная практика, как деятельность, осознанная на реальных духовных потребностях, как результат самостоятельной интеллектуальной работы, как вид ментальной активности, основанный на реальных проблемах, осмысливаемых в контексте собственной культуры, такая философия начинается лишь в первой трети XIX века. И если необходимо точно датировать, когда начинается собственно философия в России, локализовать

философствование пространственно, применительно к определенному культурному событию, деянию определенной личности, то для этих целей используется выход первого «философического письма» Петра Яковлевича Чаадаева.

Колоссальный общественный резонанс, широкую читательскую аудиторию это «философическое письмо» получило в 1836 году после публикации в журнале «Телескоп». И здесь затрагиваются все те же проблемы, впервые обозначенные упомянутым выше митрополитом Илларионом, а именно: что такое всемирная история, кто играет в ней ключевую роль, какое место отведено во всемирной истории России, каков русский человек, в каких отношениях мы можем находиться с Западом, Востоком и так далее. Если митрополит Илларион был (возможно, как гость, как чужеземец) преисполнен положительных ожиданий от русской культуры, то Чаадаев крайне негативно оценивал роль соотечественников во всемирной истории. Он описывал это иронично, подбирал довольно обидные образы, сравнения, чем разозлил не только благосклонных к себе приятелей, но и привел в бешенство императора, за что и был объявлен... сумасшедшим. Следует учесть, что объявление сумасшедшим было своеобразной формой домашнего ареста: как «поврежденный умом» Чаадаев ограничен был пребыванием дома, к нему приезжал врач, освидетельствовал. В тюрьму ведь нельзя было посадить за философские рассуждения, но выставить сумасшедшем можно, чтобы унизить и тем самым наказать.

Таким образом, многие историки мысли полагают, что Чаадаев со своим «письмом» знаменует появление в России философии. Публикация этого письма Чаадаева провоцирует колоссальное интеллектуальное напряжение в обществе, под его воздействием формируются такие направления общественной мысли в России, как западники и славянофилы. Формируется дискуссионная повестка дня на многие годы, определяются идейные союзники и противники по согласию с Чаадаевым или противоречием ему. И это противостояние западников и славянофилов проходит красной нитью сквозь XIX век, переходит в XX столетие, где уже в самом начале мы можем найти и нео-славянофилов, и нео-западников. И сегодня, если и не в такой явной форме как прежде, вы все же можете найти отголоски той самой дискуссии, прообразы тех самых общественных течений, направлений мысли, как славянофильство и западничество. Но о них мы поговорим особо, в другом месте.

Сейчас же лишь отметим, что представителями классического, раннего славянофильства были уже упомянутые Киреевский и Хомяков. Хомяков в ответ на «философическое письмо» Чаадаева, которое является, по сути своей, сочинением историософским (иной термин – философия истории) попытался предложить свое видение места и роли России во всемирно-историческом процессе. Из-под его пера появляется такое сочинение, которое в шутку Гоголем называется «Семирамидой», а по сути, является пространным

размышлением, философией истории. Это большое и местами даже забавное произведение, написанное с целью доказывать все то, что опровергал Чаадаев. В этом есть момент какой-то интеллектуальной клоунады, если смотреть на затею со стороны, но сам Хомяков делал все это серьезно. При этом в его работе вы не найдете ни одной цитаты, ни одной ссылки, зато очень много смелых суждений, филологических изысканий, например, что в основании Углича можно найти английские корни. И столь радикальным переписыванием всемирной истории и смысла локальных событий, интерпретацией культурных феноменов он занимался лишь с той целью, чтобы показать, что в нашей культуре присутствуют элементы многих цивилизаций, «корни» у нас глубокого залегания, что мы будем играть первую роль на сцене всемирной истории.

Теперь необходимо сказать несколько слов о структуре философского сообщества XIX века. Здесь мы переходим к теме своего рода философской картографии; где обнаруживается философская активность, какие черты, контуры имело философское сообщество XIX века? Если его структурировать по местам локализации, то выглядело оно довольно просто. Это, прежде всего, университетская философия, философия в университетах, берущая начало с соответствующего факультета Московского университета, затем открываются новые университеты – в Харькове, Казани и так далее. Это университетская философия, где всегда есть профессора, приват-доценты, студенты, некая корпорация ученых в области философии, технология обучения метафизическому знанию во всех его проявлениях, организованный процесс интеллектуальной деятельности согласно регламенту Министерства народного просвещения.

Затем идет философия в духовных академиях, которую часто называют «академической философией». Многие приписывают этому словосочетанию другое значение, но когда мы говорим о той эпохе, то под академической философией подразумевается философия, преподаваемая, изучаемая, декларируемая в духовных академиях, высших учебных заведениях религиозного типа. Так что источниками академической философии была Московская духовная академия, Санкт-Петербургская и другие провинциальные учреждения. В нашем контексте наибольший интерес может представлять первая из них, каквшая определенный вклад в развитие философии, в том числе и в своей попытке создания философской системы в лице профессора Кудрявцева-Платонова.

Третий слой философского сообщества, весьма разнородный по составу, но однородный по устремлениям, составляла внекафедральная, внеуниверситетская, внеакадемическая философия. Это кружковая философия, философские беседы в салонах, поместьях, имениях. Тот же самый Чаадаев – типичный представитель салонной философии. В своих текстах, суждениях Чаадаев является нам тип салонного интеллектуала, а не просто салонного

болтуна, скрывающего пустоту содержания философским жаргоном. Формально он не имел философского образования, он не учился на соответствующем факультете. Тем не менее, он получил реальное философское образование, потому что его библиотека показывает, что там имелись книги, которые читало европейское философское сообщество. Это были книжки, поставленные на полки не для красоты, а испещрены пометками, выписками на полях. К тому же он немало путешествовал по Европе, встречался с Шеллингом, был в переписке с ним и с другими представителями философского мира. То есть неформально он, конечно же, получил очень хорошее философское образование, хотя, может быть, не такое систематическое, что можно получить на факультете, при кафедре, зато не менее содержательное. Впрочем, когда нет системности, конечно, возможны какие-то ходы мысли в сторону, уходы на волне эмоций, перегибы в аргументации. Ну и не надо сбрасывать со счетов субъективные, личностные, психологические факторы, в частности, тщеславие, любовь к славе. И философствование давало такую возможность – быть в центре общественного внимания. И ничего предосудительного в этом нет, можно использовать философию не как самоцель, но как некий инструмент, как средство, если оно помогает вам в достижении собственных жизненных целей.

Начиная заниматься философией, наши соотечественники вынуждены были подражать тем, кто уже достиг в этой сфере интеллектуальной деятельности определенных успехов. Философская активность того времени сосредоточена была преимущественно в Европе. Американцы, как и мы, копировали европейские учебные заведения, отправлялись в Старый Свет, чтобы получить там философское образование, они, как и мы, находились рецептивной фазе, в состоянии восприятия, копирования, подражания. Зато спустя годы произошел всплеск самостоятельной философской активности, интеллектуальный выброс в виде книг. У нас нечто подобное отмечается в так называемую эпоху Серебряного века. Грубо говоря, и они, и мы в XIX веке обучались философии в Европе, а в XX веке произошел всплеск творческой активности, апофеоз философского творчества.

Университетская философия, конечно, имела несколько отвлеченный характер, профессура жила словно в башне из слоновой кости, сиюминутные потребности общества их особо не интересовали. Да, есть набор неких проблем, их надо решать, только эти проблемы достойны внимания, если обусловлены собственно философским процессом, имеют соответствующее место в структуре метафизического знания. Есть определенный набор проблем – онтологических, как устроено мироздание, какова структура мира; гносеологических, каковы познавательные способности человека, какие познавательные способности являются приоритетными, каким познавательным способностям следует доверять больше, чувственной форме познания или рассудочной и так далее. То есть имелся традиционный набор проблем,

которые надо было решать, обращаясь к каким-то каноническим текстам, находя в них точку опоры, определяя что-то как устаревшее, что-то чуть-чуть модернизируя, дополняя. Можно было взять за основу Платона, Аристотеля, Канта, можно было где-то идти дальше классиков. Это медленный процесс, обусловленный внутренними интересами, потребностями ученого сословия, взирающего на все с точки зрения вечности.

К тому же не следует забывать, что университет в своей деятельности, если рассматривать его как институцию, был государственным учреждением. Все университеты того времени это прежде всего казенные учреждения. Студент, окончив университет, получал первый чин по «табели о рангах», то есть, иначе говоря, становился элементом чиновничьего мира. Государство университеты интересовали исключительно с практической точки зрения. Да, в высших школах занимались познанием мира, открытиями, всякие физики, метафизики, историки и так далее развивали науку, но это для государства было вторичным, ему важно было получить высокообразованных чиновников. Государство смотрело на университет как поставщик служивых людей, а те должны всегда воплощать в своей деятельности, держать в уме имперскую идею, служить государству, батюшке царю, императору. Чтобы работать на батюшку царя, на благо отечества, у них не должно быть каких-то идейных завихрений, ходов мысли куда-то в сторону. Соответственно, университеты находились под жестким контролем, и всякое вольномыслие, свободомыслие здесь пресекалось.

Философия, конечно, имела больше всего проблем в этом плане. Одна из печальных историй случилась, например, вследствие событий 1848 года. В то время Европа переживала революционные волнения, причины которых усмотрели в спекулятивной философии, воплощением которой являлась философия Гегеля (этот момент философии Гегеля Герцен выразил следующим образом – «диалектика – алгебра революции»). То, что философия, облагораживая умы, в тоже время была способна направлять умы граждан куда-то в сторону, очень испугала чиновников... Это была типичная точка зрения любого чиновника высокого уровня – с опаской относиться к философии. Почему в свое время французы Бастилию разрушили? Да потому что были в стране вольнодумцы, мыслители-просветители, которые усомнили всех в высших ценностях общества, видя во всем лишь естественные, натуральные причины, включая такие институты, как церковь, государство. Вот и внущили неискушенным умам, что государство должно быть изменено натуральным образом. Государство – это тот же часовой механизм, только он давно работает плохо, а потому нуждается в ремонте. Так что те революционные волнения приписали влиянию на умы энциклопедистов, философов-просветителей, в этот раз причиной страха стали учения представителей спекулятивной философии. Российское правительство, опасаясь, что революционные волнения перекинутся и на Россию, готовит указ

о запрещении преподавания философии во всех российских университетах. Таким образом, на протяжении 1849–1860 года преподавание философии в российских университетах находилось под запретом, чтобы через нее не проникала к нам революционная зараза.

И что получили в результате? Государство, опасаясь, что через спекулятивную философию, через университеты, которые готовят будущих чиновников, будущих работников государства, запретило философию, вместо философии разрешили читать логику и психологию, причем наставниками могли выступать только богословы. А те читали так, чтобы при помощи логики и психологии подтверждать истины православия, а не опровергать их. Конечно, это были в какой-то мере комедийные курсы, в курсе логики описывались свойства Троицы и мудрость Священного Писания, курсы психологии сводились к тому, чтобы показать, что человек, в принципе, религиозен, религиозность – это нормальное состояние, а нерелигиозность – это извращенная форма осознания, вид помешательства. Также чиновники сделали ставку при формировании учебного плана на естественные науки: увеличили курсы физики, математики, добавили прикладных дисциплин. Итак, был взят курс на естествознание и истребление спекулятивного знания. Что получили в результате? В результате – на долгие годы новые проблемы. Избегая одной мнимой опасности, получили другую, реальную. Появились во множестве нигилисты, позитивисты, сформировалось поколение людей, которые не верят в те ценности, что признает государство. Появились Писарев, Чернышевский, для которых прежние ценности таковыми не являлись, понимавшие, что причиной несовершенного устройства общества является государство и церковь, что они институты обмана экономического, идеологического. И они понимали, что само государство не переделается, не исправить его трактатами, письмами, служебными записками. Новая волна интеллектуалов понимала, что государство должно быть разрушено. Причем, получив, естественнонаучное образование, они знали, как это реально сделать, как уничтожить наследие прошлого, мешающее наступлению лучшего будущего. И неудивительно, что последующие годы будут годами террора. Появились бомбисты, которые перешли от слов к делу, они знали, как сделать адскую машину в домашних условиях, потому что они все химики, физики, инженеры. Таким образом, искореняя философию, государство при этом не избавило себя от огромного числа недовольных людей, получивших специальное, научное, техническое образование, не признающих прежних метафизических и религиозных ценностей. Так что проблема была не в философских учениях, а в самом государстве. В итоге оно не нашло себе союзников, потому как искусственный упор на естествознание не направлял умы к верноподданническим чувствам.

Спустя десять лет правительство отменяет свой указ о запрете преподавания философии в университетах и затем навязчиво рекомендует то, что раньше запрещало. Для противодействия росту влияния на умы сограждан

материализма, позитивизма и нигилизма рекомендуется метафизика, спекулятивная философия. Вместо прежнего: «Как можно меньше философии, как можно меньше метафизики, как можно меньше диалектики, тем безопаснее для отечества», – «Побольше идеализма, побольше метафизики, побольше диалектики». Итак, рост доли естествознания в структуре высшего образования не оправдал себя, а в философии видят своего верного союзника, а не врага, как раньше. Теперь рекомендуют читать Платона, древних, классических авторов, культивирующих идеализм... Но поскольку у нас не умеют соблюдать меру, то это навязывание идеализма будет вызывать только недовольство у студентов. Само правительство создает условия, при которых все, что оно рекомендует, вызывает отторжение, желание держаться от рекомендованного подальше.

Здесь мы видим в обостренной форме взаимоотношение интеллектуального сообщества и правительства, чиновников, политики и, как всегда, неуклюжие действия государственных служащих в области образования, обуреваемых верноподданническими чувствами. Как покажет дальнейшая история, власть не извлекает уроков, прежние ошибки ее, как правило, ничему не учат.

Другая сфера высшего образования, имевшая особую структуру, обычай, традиции – это философия в духовной академии. Здесь философия имела прикладной характер, к ней относились как к одной из дисциплин, традиционно вписанных в систему богословского образования. Оно имело специфическую структуру, что для обучающегося подразумевало прохождение трех этапов. Первый, грамматический, куда включался родной и иностранный язык, математика и прочие дисциплины, дающие минимальную общегуманитарную подготовку. Человек должен был сначала стать грамотным, научиться правильно писать, говорить, понимать тексты. Получив в течение нескольких лет познания в арифметике, физике, языках, риторике, можно было переходить во второй – философский класс, проходить второй этап, где учили метафизике, читали Платона, Аристотеля и других классиков, которые вольно или невольно выражали какие-то мысли, идеи, приемлемые для веры, для христианства, сами подходили и других подводили к тем истинам, которые содержатся в Священном Писании. Помимо этого философия рассматривалась в системе богословского образования как возможность изострить свой ум. После прохождения философского класса можно было перейти в богословский класс, поскольку ум уже был подготовлен к восприятию высших истин.

Философия была интегрирована в богословское образование и в духовных академиях, и в семинариях. В последних, впрочем, читался очень примитивный курс философии. Если взять аналогию из нашего времени, то это сравнимо с курсом обществоведения. Но в духовной академии уже была серьезная подготовка, основательные курсы по метафизике. Здесь следует отметить один интересный момент, в частности, эпизод из жизни Московской духовной академии, где сформировалась традиция, которую принято называть школой

московского теизма: начало XIX века – профессор Голубинский, середина века – профессор Кудрявцев-Платонов, конец века – профессор Алексей Введенский. Кстати, Кудрявцев-Платонов был приглашен в качестве наставника ко двору, где ему предстояло изложить краткий курс философии в рамках подготовки наследника престола. Для нас Кудрявцев-Платонов интересен тем, что это один из немногих философов, хотя занимавшийся философией в пределах потребностей духовной академии, тем не менее попытавшийся создать систему трансцендентального монизма. Для XIX века была характерна установка сознания, что о философии можно говорить только тогда, когда она представляется в виде системы. Классический образец давала, например, философская система Гегеля, где разработаны все сферы, все отрасли, все направления мысли и деятельности человечества. Там вы можете найти онтологию, гносеологию, философию права, философию истории, историю философии и так далее, все эти дисциплины логически связаны между собой, согласованы с общим базовым принципом, общий принцип придает смысл частным дисциплинам – философии истории или философии права. Только в системе философия получает свое завершение, полноту выражения, в системе все связано так, что частное служит целому, целое обосновывает элемент. И хотя признаком зрелости философии считали как раз наличие системы, но мало кто из мыслителей в России мог представить на суд коллег систему. А вот Кудрявцеву-Платонову удалось разработать «систему трансцендентального монизма». Конечно же архитектура его философии была скопирована с европейской традиции, им создается система с хорошо разработанными разделами онтологии, космологии, умозрительной психологии, теории познания и т.д.

Итак, мы рассмотрели вторую сферу философского сообщества в России. Третий слой составляет внекафедральная, неуниверситетская и неакадемическая, непрофессиональная философия. Несмотря на не совсем выгодное положение с точки зрения формальных институций, тем не менее, это сообщество оказалось довольно-таки активным в смысле продуцирования идей. Порой любители быстрее реагировали на какие-то интеллектуальные новинки в Европе, чем представители академической и университетской философии, первыми получали книги, быстрее их читали, реагировали, обсуждали, писали в ответ на них свои замечания, тексты и т.д. Это была самая реактивная, мобильная часть интеллектуального сообщества, они имели возможность поехать в Европу как частные лица, поговорить и обсудить с местными знаменитостями проблемы, завязать переписку. И потому именно данная часть интересующихся философией вызывала некое напряжение, тревожные ожидания у правительства, поскольку люди находились не под контролем, точнее, не под полным контролем, как того хотелось бы. Любой университет был под контролем, там все четко регламентировано, предписано, учебный план утвержден; духовная академия такой же оплот самодержавия, основа

стабильности и пресечения какого-либо инакомыслия, а здесь, в кружках, люди собирались, говорили, продумывали и придумывали, что хотели. И эта часть общества представляла наиболее недовольных правительством, существующим положением вещей, пытающихся использовать философию, чтобы с ее помощью исправить несовершенства общественного строя. Тот же самый Достоевский входил в общество петрашевцев, в сообщество желающих исправить жизнь на основании проектов наилучшего бытия, опирающееся на мысли французских утопистов и пр. Поэтому часто правительство устраивало тайный надзор, например, над теми же славянофилами, представитель которых – Хомяков – ходил в красной рубашке, что тревожный знак, символ революционных изменений, так что неизвестно, до чего могли дойти эти люди в своих суждениях, укрывшись по домам, собираясь в кружки. Правительство уже давно испытывало страх перед тайными собраниями, и еще в 20-х гг. многие дворяне вынуждены были давать расписки, что они не состоят в тайном обществе, не являются членами масонских лож (например, Чаадаев). Отчего такой страх? Потому что восстание декабристов было инспирировано, спровоцировано как раз мудрецами, интеллектуалами, заседавшими в тайных обществах. Поэтому и все домашние посиделки тоже можно было рассматривать, как попытки идти путем тайных обществ, где можно думать так, как хочется, говорить о тех вещах, которые официально замалчиваются.

Внекафедральная философия порождала огромное число вольнодумцев, другое дело, что не всегда им хватало квалификации, инструментария, навыков изложения, оформления мыслей, своего желания исправить общество, систему управления, и потому часто здесь философствование вырождалось в какое-то прожектерство, фантазию. Вот и получалось, что те, кто формально и великолепно владеет методом, например, представители университетской или духовно-академической философии, не всегда хотят что-либо улучшать в обществе, исправлять сознание современников, а тот, кто хочет улучшать окружающее, не совсем владеет методикой, методологией, теми средствами и инструментами, которые позволили бы им воздействовать на общественное сознание.

У государства всегда находились верноподданные, которые рьяно брались за борьбу с любым инакомыслием. Эти верноподданнические чувства великолепно выразил литератор Кукольник: «Прикажет государь – завтра же стану акушером!» В официальной записке, поданной на имя императора в 1833 году графом Уваровым, указывалось, что если правительство не желает утратить свои позиции, ключевую роль, ту историческую миссию, которую играет российское государство на протяжении многих лет, в то время как устои Европы постоянно колеблются и вот-вот «троны монархий» опрокинут революционеры, наше управление должно опираться на три столпа: православие, самодержавие и народность. И тут же нашлись в стане литературной и театральной братии, среди художников и музыкантов, те, кто в

своих текстах стали прописывать, обосновывать пользу для жизни и творчества православия, самодержавия и народности. В эпоху действия «официальной народности» и представители философии доказывали и показывали, что философия является нормальной, хорошей, здравой, зрелой и систематичной, если она проводит в жизнь три принципа: православие, самодержавие, народность. Нечто похожее мы найдем и в советское время, когда после съезда партии, где с трибуны оглашат новые положения от Политбюро ЦК, армия штатных философов начинала толковать идеологемы посредством жонглирования категориями диалектического и исторического материализма.

Еще мне хотелось бы отметить такое направление общественной мысли, повлиявшее и на философский процесс в частности, и на интеллектуальный климат в России в целом, направление мысли, формировавшееся вне академии, вне университета (хотя несколько его представителей и закончили духовные семинарии, как Писарев и Чернышевский) – это позитивисты и нигилисты. Их воинствующее свободомысление вывело на первую линию интеллектуальной борьбы, и эта установка сознания, этот пафос свободы мысли от традиций и догм доживет до 1917 года. Нигилисты интересны для нас тем, что они взялись за ниспровержение, среди прочего, и философии. Знаменательной стала полемика Чернышевского и профессора Киевской духовной академии Юркевича, когда первый, не читая работ второго, стал его критиковать, причем подчеркивал, что и не читал работ оппонента, потому что и так знает, что могут написать люди этого типа, так называемые казенные философы.

Они выступали против философии, потому что она служит, в их понимании, сохранению самодержавия, что это архаичная форма знания, безжизненная и бесполезная для тех, кто хочет идти путем прогресса. Здесь сказалось влияние позитивизма, в частности Огюста Конта, который считал, что философия или метафизика – это вторая фаза в эволюции человечества, с неизбежностью уступающая место позитивному мировоззрению. В эту финальную фазу эволюции уже входит прогрессивная часть человечества, ну а философия – дело прошлого, когда допускалась, в силу незрелости мысли, вера в какие-то «сущности», «принципы», «субстанции» и т.п. Ну а после взросления человечеству с метафизикой необходимо распрощаться, и если вы в здравом уме, то вы должны следовать позитивизму, позитивному мировоззрению, опираться в своей деятельности на естественные науки. Порой призыв к этому принимал несколько карикатурные, громкие, эпатажные формы, отрицание философии принимало формы порицания лиц, ею увлекающихся, звучали заявления, что человек в здравом уме не может философствовать, что нормальный человек может заниматься биологией, физикой, химией, математикой, строить дороги, разрезать лягушек для эксперимента, изучать анатомию человека. А если человек философствует, то он либо впал в детство, либо дурачится, либо просто сумасшедший. Возникает резкое противостояние, нигилистическое отношение не только к церкви и

государству, но и к философии. В работах позитивистов, нигилистов можно найти много текстов, статей, памфлетов, содержащих воинственную критику философии. Но философия выдержала и этот натиск. Писарев призывал, что надо пытаться разрушать все, и если после этих попыток что-то продолжает свое существование, значит оно жизнеспособно и оправдано, заслуживает дальнейшего существования. В этом многие наши нигилисты, позитивисты шли на полшага впереди Ницше, упреждая его тезис «падающего толкни», слабый сойдет с пути, ну а если сильный, то по праву продолжит путь, не отнимая у общества силы и средства.